
ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК И ГРУПП ПРАВООТНОШЕНИЙ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ*

Андреева О. А., Остапенко А. С.**

Проблема публичного порядка в современной теории права рассматривается в основном как частноправовая применительно к практике оговорки о нем в международном частном праве. В то же время публичный порядок имеет более глубокое содержание, включающее опыт социальных практик и групп правоотношений в условиях изменяющегося мира. В широком смысле публичный порядок обеспечивает стабильность общественных отношений, в более узком смысле – представляет собой их систему, базирующуюся на принципах обычного, внутригосударственного и международного права, правового государства, гражданского общества и т. д. Трансформации публичного порядка могут быть обусловлены как типичными для общества проблемами, так и новыми, связанными с цифровизацией общественных отношений, глобализацией и пр., содержащими факторы риска нестабильности, способные разрушить уже сложившиеся, апробированные временем общественные отношения. Поэтому прогностический анализ направлений изменения публичного порядка можно презентовать как многоплановую проблему, связанную с доминантами развития конкретного общества и эволюцией общественных отношений в условиях глобализации.

Ключевые слова: публичный порядок, трансформации публичного порядка, цифровизация общественных отношений, глобализация, рисковая деятельность, стабильность, нестабильность.

PUBLIC ORDER IN THE SYSTEM OF SOCIAL PRACTICES AND GROUPS OF LEGAL RELATIONS: TRADITIONS AND INNOVATIONS

In modern legal theory, the problem of public order is considered mainly as a problem of private law in relation to the practice of applying a reservation to it in

* **Для цитирования:** Андреева О. А., Остапенко А. С. Публичный порядок в системе социальных практик и групп правоотношений: традиции и новации // Век глобализации. 2024. № 4. С. 98–109. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.08.

For citation: Andreeva O. A., Ostapenko A. S. Public Order in the System of Social Practices and Groups of Legal Relations: Traditions and Innovations // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 4. Pp. 98–109. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.08 (in Russian).

** Андреева Ольга Александровна – д. ф. н., профессор Таганрогского института управления и экономики. E-mail: ol-andr1@yandex.ru.

Olga A. Andreeva – Dr. Phil., Professor at the Taganrog Institute of Management and Economics. E-mail: ol-andr1@yandex.ru.

Остапенко Андрей Сергеевич – к. ю. н., доцент Таганрогского филиала Российского нового университета. E-mail: andrey-ostapenko2023@mail.ru.

Andrey S. Ostapenko – Ph.D. in Law, Associate Professor at the Taganrog branch of the Russian New University. E-mail: andrey-ostapenko2023@mail.ru.

private international law. At the same time, public order has a deeper content, including the experience of social practices and sets of legal relations in a changing world. In a broad sense, public order ensures the stability of public relations, in a narrower sense, it represents their system based on the principles of customary, domestic and international law, the legal state, civil society, and so on. Transformations of public order can be caused both by typical problems of society and by new ones related to the digitalization of public relations, globalization, etc., which contain risk factors of instability capable of destroying already established and time-tested social relations. Therefore, the prognostic analysis of the directions of changes in public order can be presented as a multidimensional problem related to the dominants of the development of a particular society and the evolution of public relations in the context of globalization.

Keywords: *public order; transformations of public order; digitalization of public relations; globalization; risky activities; stability and instability.*

Введение

В условиях современного этапа мирового развития происходит формирование контуров многополярного мира как нового витка эволюции глобализационных процессов и отношений, в результате чего складывается новый правовой порядок как составная часть публичного порядка. В широком фокусе зрения публичный порядок выступает одним из механизмов обеспечения стабильности социума, так как его источниками являются культура, идеология, идентичность, менталитет, правосознание народа, отражающиеся в государственно-правовом регулировании общественных отношений. Следовательно, публичный порядок можно рассматривать как форму правопреемственности в периоды их нестабильности, содержащих всевозможные правовые и социальные риски. В условиях отсутствия соответствующего правового регулирования правопреемственность может стать буферной зоной, в которой происходит микширование существующего и складывающегося правопорядка, в процессе чего выкристаллизовываются новые правовые принципы, идеи, правоотношения, содержащие потенциальные возможности для будущего развития общественных отношений. Существует точка зрения, что «публичный порядок – это одна из модификаций мирового порядка, который представляет собой феномен более общего характера» [Бирюков и др. 2021: 199]. В подобном контексте публичный порядок становится институтом международного права, с помощью которого происходит трансформация публично-правовых отношений в условиях модернизации глобализирующегося мира и выстраивания новой модели глобальных взаимодействий, основанной на равноправии и взаим уважении всех сторон мирового общения.

Целью и предметом исследования является публичный порядок как система отношений, установленная на базе принципов обычного права, внутригосударственного и международного права, правового государства и гражданского общества. Реализация публичного порядка приобретает актуальность в правоотношениях, обладающих потенциальными возможностями для разрешения конфликтов, противоречий и проблем, возникающих в отношениях между людьми, странами и народами. Он нивелирует противоречия, возникающие между официально и реально существующими правовыми отношениями и правовыми системами, призванными регулировать интересы их участников. Поэтому публичный порядок

можно презентовать как целенаправленную, осмысленную, упорядоченную деятельность, связанную с циклами стабильно-нестабильного развития государства и общества и основанную на социальных, общеправовых и специальных принципах, нормах и средствах упорядочения общественных отношений.

В процессе исследования применялись диалектический, формально-логический и функциональный методы, позволившие выявить механизмы трансформаций публичного порядка, в основе которых лежит принцип правопреемственности традиций и их синкретизм. Такой подход позволил на основе методов синергетики, вероятностных закономерностей и др. выявить динамику и нелинейные тенденции правового регулирования экономических, социальных, политических и иных процессов. Поиск меры дозволенного в их содержании предполагает учет риска радикальных изменений в общественных отношениях и нахождения «точки невозврата», содержащей угрозы действующему правовому порядку в структуре публичного.

Трансформации правоотношений в системе публичного порядка связаны как с эволюцией социума, так и с техническим прогрессом и внедряемыми технологиями, способными оказывать кардинальное воздействие на все сферы жизнедеятельности людей, включая образ жизни и образ мысли. Так, с точки зрения правовой практики информационные технологии уже сейчас упростили систему взаимоотношений «власть – социум», «человек – общество», «гражданское общество – государство» и т. д., что влияет на характеристики публичного порядка. Н. Е. Ладенков пишет, что «развитие технологий уже и ранее в значительной степени изменяло право. Так, право из привилегии преобразовалось в меру равенства, из меры свободы – в упорядоченность процесса. Такие изменения были обусловлены технологическим прогрессом, отражающимся на привычном укладе жизни людей. К этому приводили все технологические революции, начиная с эпохи металлов в Древнем мире и заканчивая открытием электричества, созданием киберпространства в Новое и Новейшее время» [Ладенков 2022: 46; Синюков 2019: 10]. Следовательно, в рамках новой социальной реальности, технологически способной на модернизацию государственного управления и других общественных сфер, публичный порядок изменяется.

Междисциплинарный характер публичного порядка позволяет отнести его к самоорганизующимся сложным и нестабильным системам, что может быть исследовано на основе синергетической методологии, с одной стороны, а с другой – в контексте познания динамики развития правовой жизни общества. В. И. Буданов и еще ряд авторов отмечают, что «одна из центральных идей синергетики – идея параметров порядка. Эти параметры определяются в ходе самоорганизации и далее сами начинают определять динамику всех степеней свободы» [Буданов 2006; Пригожин 2006; Хакен 1980]. Таким образом, концепция линейного прогресса может стать причиной искажений реальной действительности и недооценки публичного порядка в развитии общественных отношений. Трансформации публичного порядка, связанные с изменениями социальной действительности в процессе цифровизации общественных отношений и их глобализации, оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности социума на протяжении последних десятилетий. С другой стороны, информатизация общественных отношений становится причиной изменения содержания публичного порядка, что приводит к необходимости

внесения в него новаций. Например, в настоящее время в России возрастает роль реализации национальных проектов и иных инициатив, в основе которых лежат принципы цифрового регулирования, позволяющие контролировать возможные риски, связанные с несовершенством законодательства и практикой его применения.

Анализ таких понятий, как «трансформации публичного порядка», «глобализация», «цифровизация общественных отношений», «социальные и правовые риски», позволил прийти к следующим промежуточным выводам:

– во-первых, научно-техническая революция оказала влияние не только на развитие техники и технологий, но и на трансформации публичного порядка в условиях технологического детерминизма как результата цифровой революции;

– во-вторых, понятие «публичный порядок» приобретает новое содержание в качестве социального начала ценностей права, правовой культуры и традиции в контексте поиска решения проблемы устойчивого развития социума, сочетания ценностей традиционного и современного мира;

– в-третьих, глобализация, являясь объективным процессом, в настоящее время вступила в новый этап, в основе которого лежит построение справедливого многополярного мира, а также информатизация и цифровизация общественных отношений, требующая правового регулирования;

– в-четвертых, социальные и правовые риски в сфере цифровых и «классических» правоотношений связаны как со стабильностью, так и с нестабильностью норм, отношений, социальных практик, которые традиционно содержатся в национальных моделях публичного порядка.

Доктринальные подходы к определению понятия «публичный порядок»

В теоретико-правовой науке по теме исследования существуют различные точки зрения и концепции, но остается немало вопросов, требующих переосмысления понятийных характеристик публичного порядка, социального и юридического механизмов его формирования. По мнению С. В. Бирюкова и ряда других авторов, публичный порядок «включает в себя формально-правовой, коммуникативный, структурно-организационный, публично-политические и публично-управленческие аспекты» [Бирюков, Чирун 2021: 200], что говорит о его неоднозначности и сложности в условиях динамики общественных отношений. Содержание понятия «публичный порядок» обусловлено государственно-правовыми, социально-экономическими и другими трансформациями социума. В отличие от него, категория «правовой порядок» связана с принципами законности, правомерности, гарантированности и т. д., соответствующими уровню развития правовой системы конкретного государства. Анализируя принципы и нормы национального и международного права, В. И. Бурлаков пишет, что «правопорядок является формой существования права, он относится к одной из фундаментальных смыслообразующих идей правосознания, в нем как в смысловой единице развертывается целый спектр понятий, описывающих право юридически, и философских категорий, дающих праву онтологическое выражение» [Бурлаков 2014: 49]. Новый правовой порядок может быть установлен революционным путем как разрыв его эволюционного развития, а также в процессе постепенного перехода в новое качественное состояние при реформировании общественных отношений. Модернизация правового порядка позволяет выявить его зависимость от публичного порядка, что поз-

воляет установить факторы, оказывающие наибольшее влияние на динамику общественного развития как открытой системы в условиях трансформации глобализационных процессов.

Публичный порядок взаимосвязан с политикой, экономикой, правовыми стандартами прав человека, иными сферами общественной жизни, включая процессы глобализации [Бауман 2004; Бек 2001; Многоликая... 2004] системы общественных отношений. Авторы статьи «Глобализация и новый мировой порядок» указывают, что «глобализация – процесс в истории человечества неизбежный – объективный: прервать или остановить его течение может только очередная глобальная катастрофа – военная или геофизическая. Он порожден не волей тех или иных “глобализаторов”, а протекает вне зависимости от желания и воли каждого из противников или сторонников глобализации» [Касюк и др. 2016: 169]. В то же время указанные процессы не следует рассматривать как неизменные и однонаправленные, поскольку они связаны исключительно с институционально-правовыми трансформациями, а в большей мере необходимо учитывать идеи и принципы, лежащие в их основе. К ним относятся идеи:

- об автономии личности как продолжении универсальности человеческого измерения;
- о сущности правового менталитета, права и законодательства;
- об идентичности и самоидентичности как принадлежности человека к определенной нации, культуре, религии, что составляет культурный код народа и нации в условиях глобализации.

Следовательно, регулирование общественных отношений не ограничивается исключительно правом, оно содержит и социальные нормы, способные как сохранять, так и разрушать существующие общественные отношения, что, впрочем, не гарантирует стабильности новых.

Будучи составной частью публичного порядка, правовой порядок основывается на правах и свободах человека и гражданина как неотъемлемом атрибуте современной демократии. В качестве интегрирующей категории публичный порядок содержит опыт социальных практик, групп правоотношений и т. д., которые становятся формой защиты от противоправных посягательств на высшую ценность – права и свободы человека и гражданина. С точки зрения российского общественного и политического деятеля конца XIX – начала XX в. Л. А. Тихомирова, государство есть «организованная нация», следовательно, порядок является объективной его составляющей, дезорганизация же наносит ущерб как частным, так и публичным интересам. Ц. С. Дондоков считает, что «государство как форма организации возникает из необходимости создания в обществе порядка, чтобы жизнь людей проходила в условиях безопасности и благосостояния. Исторический опыт показывает, что производство материальных и культурно-духовных благ требует определенного общественного порядка, который может в основном обеспечить государство» [Дондоков 2010: 53]. Действительно, социальная организация общества консервативна, институт государства за многовековую историю изменился незначительно, а вот люди в большей мере оказывают влияние на формирование новых общественных отношений. Из истории известно, что когда политическая борьба за власть заканчивается, то победитель получает право на ее реформирование и укрепление, распределение результатов труда, разрешение

споров, конфликтов и т. д. с целью обеспечения стабильности общественных отношений. Так, реализуемая в РФ публичная власть (официально понятие введено Конституцией РФ в ч. 1 ст. 67, ч. 3 ст. 131, ч. 3 ст. 132) осуществляется на основе государственных и самоорганизующихся социальных институтов, что ведет к образованию нового публичного порядка и новых правоотношений.

Таким образом, выявление сущности и причин трансформации публичного порядка является актуальной проблемой не только для теоретико-правовой науки, политологии, социологии и т. д., но и философско-правового знания в связи с отсутствием четких его дефиниций, с одной стороны, а с другой – взаимосвязи с понятием порядка, используемым для обозначения социально-политических отношений, находящихся в абстрактно-нерасчлененном состоянии.

В правовой доктрине РФ публичный порядок определяется по смыслу международного частного права, а если он применяется для внутренних правоотношений – гражданского права. Различие в понимании публичного порядка в данном случае обусловлено составом правовых норм, включенных в его содержание и отражающих публичные и частные интересы, относящиеся к конституционно значимым ценностям. А. А. Шулаков указывает, что «определение принадлежности указанных норм к публичному порядку по смыслу международного частного права или к публичному порядку по смыслу гражданского права – невозможно без установления иерархии и содержания публичных интересов, обеспечивающих указанные нормы» [Шулаков 2018: 86]. Следовательно, поскольку публичный порядок понимается по-разному, то необходимой становится систематизация социально значимых ценностей с целью определения уровней их значимости для личности, общества и государства.

Публичный порядок, как считает Е. П. Войтович, является сложной категорией, для которой «свойственна изменчивость, а попытки определения ее границ едва ли были и будут успешными, хотя они и включают ряд взаимосвязанных элементов, но не исчерпываются ими» [Войтович 2020: 32]. Таким образом, публичный порядок, с одной стороны, обеспечивает сохранность и защиту национальных ценностей в их сплаве с государственно-правовой организацией социума, а с другой – включает способы и методы регулирования общественных отношений на всех уровнях публичной власти. В таком качестве публичный порядок противоположен догосударственной общественной жизни, которую можно считать хаосом, периодом «войны всех против всех» или царством неограниченной свободы.

Проблема определения публичного порядка в теории права и определения его места в системе политико-правовых отношений осложняется отсутствием однозначного понятия «публичный порядок» как в действующих нормативных правовых актах, так и в судебной практике в результате сведения его к основам правопорядка. Подобный подход имеет место в статьях Гражданского и Семейного кодексов РФ (ст. 1193 ГК РФ, ст. 167 СК РФ). В результате понятие публичного порядка без разъяснения его содержания присутствует в Гражданском процессуальном кодексе РФ (ст. 412 ГПК РФ), Арбитражном процессуальном кодексе РФ (ст. 244 АПК РФ), а также статьях 34 и 36 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», что может быть использовано как в позитивном, так и в негативном смысле. Законодательные акты советского пе-

риода также соотносили публичный порядок с основами советского правопорядка, например, в ст. 158 Основ гражданского законодательства 1991 г. и основами советского строя, например, в ст. 128 Основ гражданского законодательства 1961 г.; ст. 568 ГК РСФСР 1964 г., ст. 169 КоБС РСФСР 1969 г. Во всех указанных статьях речь идет о публичном порядке как оговорке о публичном порядке, применяемой в международном частном праве в качестве способа обеспечения безопасности национального публичного пространства от последствий применения иностранного права (судебного или арбитражного решения), при разрешении споров, осложненных иностранным элементом.

В период перестройки и далее в 1990-е – 2000-е гг. накопилась судебная и арбитражная практика, потребовавшая более современное определение понятия публичного порядка. Так, согласно позиции Верховного суда РФ, под публичным порядком в РФ следует понимать «установленные государством основополагающие нормы об экономическом и социальном устройстве общества, главные основы основ правопорядка, закрепленные Конституцией РФ и федеральным законодательством РФ» [Определение... 2009]. Несколько ранее правовая категория «публичный порядок» рассматривалась Верховным судом как система принципов, закрепленных в Конституции РФ и законах Российской Федерации [Постановление... 1999]. Высший арбитражный суд РФ в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 26 февраля 2013 г. № 156 определил публичный порядок как «фундаментальные правовые начала (принципы), обладающие высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляющие основу построения экономической, политической и правовой системы государства» [Информационное... 2013]. Границы данных определений содержат возможный подход к определению понятия «публичный порядок», что продолжает оставаться актуальным, поскольку общего понятия, приемлемого всей юридической общественностью, еще не сложилось.

В результате проведенного исследования правовых и иных механизмов, опосредующих содержание публичного порядка, можно сделать вывод о том, что он базируется:

- на основополагающих нормах и принципах государственной регламентации общественных отношений; обеспечении их стабильности с целью сохранения социальной структуры общества, в основе которого гарантированность прав и свобод граждан;
- ценностях национальной идентичности и культуре народов, проживающих на территории государства; принципах естественного права, религиозных, моральных нормах и установках, которые в совокупности составляют содержание национальной идеи государства;
- нормах частных отраслей права, таких как гражданское, семейное и др., обычаях делового оборота, основанных на экономических и культурных национальных традициях;
- принципах международного права, составляющих сферу публичного порядка, реализующегося в международных отношениях, где действуют институты международного права и т. д.

Следовательно, публичный порядок не сводится к обеспечению исключительно публичных интересов, он охватывает и частные интересы граждан, орга-

низаций, которые реализуются в действующем правовом пространстве и времени. В науке и законодательстве публичный порядок чаще соотносят с общественным порядком или правопорядком, которые рассматриваются в контексте различных правовых доктрин. В широком смысле правовой порядок выступает как совокупность категорий, формирующих группы правоотношений в системе права, а в узком понимании он является формой защиты от противоправных посягательств преимущественно в публичном праве.

Трансформации публичного порядка: стабильно-нестабильное развитие и выбор будущего

Социальные процессы развиваются под влиянием множества факторов и обстоятельств, содержащих варианты их потенциального будущего, как в сторону неопределенности, так и в сторону неоднозначности ожидаемых результатов и их последствий. С. С. Габрелян считает, что «цивилизационная модель человека выражается, в частности, в существовании особых архетипов, схем мышления и деятельности человека, смыслов бытия, специфических ценностях, присущих данному обществу» [Габрелян 2008: 720], что в условиях глобализационных процессов «сопровождается вызовами и угрозами существованию локальных цивилизаций, возможности культурно-цивилизационной автономии личности и самой цивилизационной модели человека» [Там же]. Ввиду этого трансформации публичного порядка могут быть обусловлены проблемами – как типичными для конкретного социума, так и новыми, вызванными цифровизацией общественных отношений, зависимостями от процессов глобализации и пр. Следовательно, универсальный характер публичного порядка предполагает факторы риска нестабильности, способные разрушить уже сложившиеся, апробированные временем общественные отношения, традиционно присущие конкретному обществу. В таких условиях возможны два варианта: или вернуть все в исходное состояние, или контролировать саморазвитие правовой системы, что становится зоной рискованной деятельности, способной привести к новациям сначала в правовом, а затем и в публичном порядке.

В периоды политических кризисов, революций или статики общественного развития происходит формирование «порядка из беспорядка», начальной стадией которого является социализация общественных отношений. Примером этому является институт государства, возникший как особая форма политической организации публичной власти, основанной на естественном или обычном праве. В результате сформировалась организация особого рода, когда «воля всех членов общества объединяется и выступает как единая государственная воля» [Бошно 2013: 65]. Э. Шредингер отмечал, что по «принципу “порядок из беспорядка” следует развитие политико-правовых и государственных механизмов, для которых высшей стадией развития является формирование “порядка из порядка”» [Шредингер 2009: 89], что свойственно современным моделям демократических государств. В периоды экономической и политической стабильности отсутствие рискованных ситуаций проявляется в факторах, снижающих роль публичного порядка при регулировании общественных отношений или их сохранении как устоявшегося правового порядка. Многогранностью общественных отношений объясняется и тот факт, что «теория общественного развития находится в состоянии очевидного

беспорядка» [Гидденс 1995: 341]. Следовательно, публичный порядок ориентирован на стабильность общественных отношений, основанных на правовом порядке как модели правоотношений, обеспечивающих развитие общественного строя, экономических, социальных и других связей, влияющих на формирование национальной правовой системы.

При значительном уровне риска существующий правовой порядок может быть нарушен, а авторитет власти подорван, что приводит к нестабильности и неуправляемости социальных процессов, то есть хаосу, беспорядкам и т. д., которые, однако, по своей природе не являются причинами социальных революций, рождающих новый публичный порядок. Социальные революции не являются одномоментными, они занимают длительное время в истории как способ перехода к новому общественному строю через передачу власти новой элите. В них политические и экономические требования переплетаются с идеологическими доктринами, содержание которых может не совпадать с правовым обоснованием революций, что приобретает новое идеологическое значение.

Периодическое изменение социально-экономических циклов общественного развития служит демпфером, сдерживающим обострение противоречий в рамках устоявшейся законности и тенденций трансформации социального бытия. Следовательно, новый публичный порядок формируется на основе принципа правоприменности, сохраняющего в качестве основы апробированные временем правовые институты, конструкции и механизмы, обеспечивающие его реализацию в условиях, содержащих одновременный риск возможности не только их модернизации, но и стагнации. Благодаря этому «человек и общество используют риск как новый вид ресурса и, преодолевая ситуацию неопределенности, совершают качественный скачок в своем развитии» [Соколов 2016: 15]. Так, конкуренция между феодальным и капиталистическим способом производства в России конца XIX – начала XX в. привела к установлению новых общественных отношений, ставших одной из причин Октябрьской социалистической революции, установившей соответствующий им правовой, а затем и публичный порядок.

Стагнация публичного порядка может зависеть от стабильности или нестабильности новых или модернизации устаревших политических и правовых конструкций. В этих условиях рисковая деятельность, при всей ее неоднозначности, становится источником идей, приводящих к инновационным проектам и решениям. Е. В. Сергашов пишет, что «в современном мире риск стал постоянным фактором, который сегодня окружает общество. В процессе любого вида деятельности возникает его возможность. Социальных групп и процессов, на которые не распространяются риски, в действительности не существуют, так как их сущность проявляется в различных сферах жизни и затрагивает все социальное пространство» [Сергашов 2017: 108]. Будучи одной из противоречивых основ современного государства, рисковая деятельность в юридической практике способна, не меняя существующего публичного порядка, приводить к неординарным решениям в рамках сложившихся правоотношений, с одной стороны, а с другой – стать причиной необоснованных ее результатов. В то же время наиболее значимые решения должны приниматься не в пространстве политической необходимости или случайности, а в границах права, обеспечивающего интересы всех участников общественных отношений и процессов.

Если в результате возникает «беспорядок из порядка», что бывает чаще, то это косвенное подтверждение неоправданного риска в политической и правовой сферах. Причина этого – утрата связи с предшествующим социально-экономическим и политическим развитием, что «усложняет стратегический выбор направлений их модернизации в будущем. Он становится более сложным, предполагающим большую ответственность со стороны публичной власти» [Ласло 1995: 3]. Критерием выбора становится способность власти сохранять стабильность существующих публичного и правового порядков, что ставит перед теоретико-правовой наукой задачу поиска средств и методов ее реализации. К ним относят правовые гарантии, правовой контроль, правовую культуру и образование, деятельность специальных органов и организаций, участвующих в формировании новых правоотношений, что должно обеспечить стабильность публичному и правовому порядкам.

Публичный порядок способен сохранять традиционные ценности истории и культуры народа, но нестандартное развитие общественных отношений, как это ни парадоксально, может стать основой как стабильности, так и разноплановости социальных процессов в условиях формирующегося многополярного мира. А. Тоффлер писал, что «общество должно выбирать так же, как личность выбирает свой образ жизни; оно должно принимать сверхрешение относительно своего будущего. Более того, так же как отдельный человек может осуществить разумный выбор между совершенно различными образами жизни, общество сейчас может осуществить выбор между различными культурными стилями» [Тоффлер 2002: 219–220]. К ним относятся различные формы: собственности, взаимосвязи гражданина и государства, прав и свобод человека, ценностей политической и правовой культуры и т. п., изменение которых является прерогативой социальных революций, после которых уже не вернуться к использованию старых правовых методов и моделей.

В результате исследования публичного порядка как системы отношений и его трансформаций было установлено, что:

– во-первых, в качестве интегрирующей категории публичный порядок основан на дихотомии социальных практик и групп правоотношений, государственно-правовые, социально-экономические, технологические и другие трансформации социума приводят к его изменению;

– во-вторых, выбор будущего – это сложный процесс, требующий научного подхода к мониторингу периодов перехода от нестабильности к стабильности и наоборот, чтобы прогнозировать возможные риски общественного развития. Даже в устойчивые периоды развития необходимо наличие государственно-правовой стратегии, целей и задач, сформированных на основе теоретических и практических исследований периодов нестабильности. Для того чтобы спрогнозировать возможные риски, относящиеся к сфере деятельности публичной власти, необходим их расчет и изучение, первоначально на теоретическом уровне, а затем и внедрение в практику решения социальных проблем;

– в-третьих, общество не может постоянно находиться в состоянии или стагнации, или динамики, поэтому порядок в нем есть результат закрепления властью повторяемости и предсказуемости общественных отношений. Прежде всего это интересы государства, гражданского общества и человека, юридические основы

которых являются фундаментальными для публичного порядка, который может быть рассмотрен как совокупность принципов и правил, не имеющих исключений.

В таком контексте динамику общественных и правовых отношений как единое направление развития публичного порядка можно представить в виде графика, включающего периоды его линейного и нелинейного развития, что позволяет отнести публичный порядок к диссипативным, то есть далеким от равновесия системам. В результате могут быть сформированы стандарты социальной, экономической, политической и правовой деятельности в сферах межличностных отношений, культуры, экономики, права и т. д., складывающихся в изменяющемся мире. С другой стороны, деятельность без учета нарабатанных правовых и социальных векторов, а также во вред национальным интересам может иметь результатом наступление риска балансирования на грани права и бесправия, хаоса и неопределенности общественных отношений. В условиях трансформаций публичного порядка, не соответствующих национальному духу, попытки управления подобной ситуацией ведут к кризису и росту нестабильности во всех сферах общественной жизни. Для преодоления таких состояний необходимо признать ответственность за свободу выбора в жизни человека и общества, что может помочь ориентироваться в стабильно нестабильном мире. В ином случае публичный порядок может стать фактором дезорганизации, а провозглашенные ценности и содержащие их документы – пустой декларацией, не соответствующей общественному развитию, вне которого публичный порядок теряет свою актуальность.

Литература

Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М. : Весь Мир, 2004.

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Бирюков С. В., Чирун С. Н., Андреев А. В. Глобальный публичный порядок и его изменения // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 199–213.

Бошно С. В. Государство // Право и современные государства. 2013. № 6. С. 64–79.

Буданов В. И. Методология и принципы синергетики // Філософія освіти. 2006. № 1(3). С. 143–172.

Бурлаков В. И. Правосознание и правопорядок // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 1–2. С. 49–53.

Войтович Е. П. Оговорка о публичном порядке как основание отказа в применении иностранного семейного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 26–43.

Габрелян С. С. Проблема человека в цивилизационном порядке // Порядок общества и правовой нигилизм / под ред. П. П. Баранова, С. О. Беляева, Г. С. Працко. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2008. С. 720–724.

Гидденс Ф. Постмодерн // Философия истории. Антология / под ред. Ю. А. Кимелева. М. : Аспект Пресс, 1995.

Дондоков Ц. С. Содержание правовой категории «общественный порядок» // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 10. С. 52–56.

Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 г. № 156 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5.

Касюк А. Я., Манохин И. В., Харичкин И. К. Глобализация и новый мировой порядок // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 10(749). С. 167–181.

Ладенков Н. Е. Влияние технологических революций на право // Философия права. 2022. № 1. С. 45–49.

Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира. М. : Путь, 1995.

Многоликая глобализация. Культурное многообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М. : Аспект Пресс, 2004.

Определение Верховного Суда РФ от 19.08.2008 г. № 91-Г08-6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 5.

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 02.06.1999 г. № 19пв-99пр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=79411&ysclid=lejphohhg523097126#bUuWrWTeGkwIaq9u3> (дата обращения: 14.07.2024).

Пригожин И. От существующего к возникающему. М. : КомКнига, 2006.

Сергашов Е. В. Риск в современном обществе: методология исследования и показатели // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 108–116.

Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex Russica. 2019. № 9. С. 9–18.

Соколов Ю. И. Проблемы рисков современного общества // Проблемы анализа риска. 2016. Т. 13. № 2. С. 6–23.

Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2002.

Хакен Г. Синергетика. М. : Мир, 1980.

Шредингер Э. Мой взгляд на мир. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Шулаков А. А. Публичный порядок в международном частном праве и проблемы толкования и применения сверхимперативных и императивных норм // Lex Russia. 2018. № 4. С. 81–97.